

Беспалова К. А. Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года / К. А. Беспалова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 317—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-317-331.

Bespalova, K. A. (2021). French Prisoners of War in South of Soviet Russia in Spring and Summer of 1919. *Nauchnyi dialog*, 6: 317-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-317-331. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-317-331

Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года

Беспалова Ксения Андреевна
orcid.org/0000-0001-8391-8017
младший научный сотрудник
лаборатория эдиционной археографии
ksenia.bespalova@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (проект
№ 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту:
франко-русские / франко-советские
отношения в период 1890—1930-х гг.»)

French Prisoners of War in South of Soviet Russia in Spring and Summer of 1919

Ksenia A. Bespalova
orcid.org/0000-0001-8391-8017
Junior Researcher
Laboratory of Traditional Archeography
ksenia.bespalova@urfu.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The research is sponsored by a grant
of the Russian Science Foundation,
Grant 20-78-10014 “From Entente to Pact:
French-Russian / French-Soviet relations
during the period of 1890—1930s”

© Беспалова К. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается сюжет о пребывании в плену на юге России французских военнослужащих в период завершения интервенции стран Антанты (весна-лето 1919 года). Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра устоявшейся в отечественной историографии точки зрения о добровольном и массовом переходе французских военных на сторону большевиков. Автор останавливается на обстоятельствах пленения и период содержания в плену иностранцев. Особое внимание уделяется попытке большевиков распространить идеи левого движения и привлечь пленных в ряды Красной армии. Отмечается, что данная деятельность проводилась посредством создания коммунистических групп при Иностранной коллегии в Одессе. На примере работы сотрудников Французской коммунистической группы удалось выявить агитационно-пропагандистские методы склонения патриотов на сторону большевиков. Новизна исследования видится в том, что для реконструкции способов агитации автором были привлечены материалы архива Министерства обороны Франции, которые позволяют определить круг агитаторов и конкретизировать методы вербовки иностранцев. Автором доказано, что массового перехода на сторону большевиков не было, агитаторам удалось склонить лишь единицы пленных французов и большинство военнослужащих остались верны данной присяге.

Ключевые слова:

Гражданская война; интервенция; военнопленные; Французская коммунистическая группа; генерал Франше д'Эспере.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the plot about the stay of French servicemen in captivity in the south of Russia at the end of the intervention of the Entente countries (spring-summer 1919). The relevance of the study is due to the need to revise the point of view established in Russian historiography about the voluntary and massive transition of the French military to the side of the Bolsheviks. The author dwells on the circumstances of captivity and the period of detention of foreigners. Particular attention is paid to the attempt by the Bolsheviks to spread the ideas of the left movement and attract prisoners to the ranks of the Red Army. This activity was carried out through the creation of communist groups at the Foreign Collegium in Odessa. Using the example of the work of the French Communist Group employees, it was possible to identify agitation and propaganda methods of persuading the compatriots to the side of the Bolsheviks. The novelty of the study is seen in the fact that for the reconstruction of the methods of campaigning, the author involved materials from the archives of the French Ministry of Defense, which make it possible to determine the circle of agitators and concretize methods of recruiting foreigners. The author proved that there was no mass transition to the side of the Bolsheviks, the agitators managed to persuade only a few prisoners of the French and most of the servicemen remained faithful to this oath.

Key words:

Civil War; intervention; prisoners of war; French Communist Group; General Franchet d'Espere.

Французские военнопленные на юге Советской России весной и летом 1919 года

© Беспалова К. А., 2021

1. Историография, источники и постановка проблемы

Одесская эвакуация военных сил Антанты в апреле 1919 года стала переломным моментом Гражданской войны на юге России. Вместе с уходом союзных войск канули надежды белого движения на внешнюю помощь в борьбе против большевиков. В частности, белые генералы возлагали большие надежды на помощь со стороны Франции, поскольку данная территория являлась зоной влияния этой страны по Англо-французской конвенции от 23 декабря 1917 года о разделе России. Французские представители присутствовали в южных городах России, а именно в Одессе, Киеве, Севастополе, и всеми силами пытались влиять на ситуацию в этом регионе.

Спешное оставление Северного Причерноморья войсками стран Антанты и, в особенности, скорый вывод французских войск (4—7 апреля 1919 года) и сегодня представляются любопытными сюжетами истории интервенции. Эти события породили в историографии хрестоматийную точку зрения о буквальном бегстве интервентов с южных территорий современных России, Украины и акватории Черного моря. Эта точка зрения сложилась, в первую очередь, благодаря советским историкам. Основные причины этого «бегства» исследователи видели в том, что десятки тысяч французских солдат, осознав, что были обмануты империалистическими правительствами [Жаров и др., 1960, с. 118.], отказались сражаться против войск Красной армии. Историки утверждали, что французские моряки неоднократно уклонялись от выполнения приказов своих офицеров [Зак, 1989, с. 56, 63; Дело трудящихся всего мира, 1957, с. 162], братались с русскими солдатами [Дело трудящихся всего мира, 1957, с. 164], демонстрируя братскую солидарность [Ле Рамей и др., 1976, с. 8], а после добровольно оставались в России и вступали в ряды Красной армии. Излюбленным сюжетом советской историографии, свидетельствующим о единодушии французских военных, был ряд стихийных мятежей французских моряков после эвакуации основных французских сил [Зак, 1989, с. 74, 81]. Эти мятежи переросли в столкновения матросов и офицеров на линкорах «Жан Бар», «Франс», «Жюстис», «Мирабо», «Вольтер» и крейсерах «Дю Шела», «Вальдек-Руссо». Однако современные историки, пересматривая оценки

событий весны 1919 года, полагают, что экстренная эвакуация французов была связана отнюдь не с волнениями в рядах военных, но с целым комплексом причин [Шубин, 2018; Пученков, 2013], с которым столкнулись бывшие союзники. Уставшие от войны французские солдаты, многие из которых были мобилизованы еще в период Первой мировой войны, были вынуждены находиться на «непонятной войне после войны» [Шубин, 2018, с. 335], которой не желали [Munholland, 1981, p. 55], а миф о восстаниях солдат и моряков был порожден советской историографией [Попов, 2019, с. 278].

После объявленной эвакуации военные столкновения между смешанными греко-французскими войсками и Красной армией еще продолжались. В ходе этих сражений красноармейцы нередко брали в плен иностранных солдат. Причиной того служило стремление большевиков пополнить ряды Красной армии за счет пленников, которые сформировали бы интернациональные полки. Так, Одесса стала одним из важных пунктов формирования интернациональных частей. В этом городе был образован 1-й интернациональный полк, включивший многочисленных иностранных военных, в том числе и французских [Цвилюк, 1987, с. 225]. Мобилизации солдат в интернациональные подразделения способствовала работа иностранных коммунистических групп [Цвилюк, 1987, с. 225]. В апреле 1919 года с установлением Советской власти в Одессе при Губкоме КП(б)У была воссоздана Иностранная коллегия, которая включила в себя ряд национальных групп [Гражданская война, 1983, с. 226]. Это были английская, сербская, немецкая, французская, немецкая и другие коммунистические ячейки. Реконструкция методов Французской коммунистической группы нам позволяет продемонстрировать различные способы вербовки иностранцев. Современниками сообщалось, что французские коммунисты практиковали настоящий террор против их соотечественников [SHD/T, 7 NN 2013, p. 121], что позволяет поставить под сомнение убеждение о добровольном переходе иностранных военных на сторону большевиков.

Источниковую базу данного исследования составляют телеграммы и отчеты представителей французской разведки о ситуации на Украине. При этом наиболее информативным источником являются рапорты главнокомандующего союзными войсками на юге России — генерала Луи-Феликс-Мари-Франсуа Франше д'Эспере (1856—1942). Указанные материалы хранятся в фондах архива Министерства обороны Франции, преимущественно в «Деле французского коммуниста Жака Садуля» [SHD/T, 7 NN 2013]. Дело представляет собой досье на бывшего капитана Французской военной миссии, направленного в Россию в 1917 году. Летом 1918 года Ж. Садуль покинул ряды миссии и перешел на службу к большевикам, за что

в 1919 году военным судом Франции ему заочно был вынесен смертный приговор. Досье на Жака Садуля собиралось французской разведкой с 1918 по 1924 годы и было использовано во время судебного процесса по делу о дезертирстве в апреле 1925 года, после его возвращения на родину. Поскольку Ж. Садуль являлся одним из главных пропагандистов в среде французских военнослужащих и гражданских лиц, проживающих на территории России, в деле встречаются свидетельства современников и отчеты разведслужб о методах и масштабе проводимой им агитационной работы. Немалую долю составляют источники, свидетельствующие о деятельности Ж. Садуля именно на юге России, в том числе о его агитационной работе в рядах французских военных. Автором также привлечены отчеты экономического отдела Генерального штаба армии Франции на юге России, занятом Добровольческой армией, доклады генерала Франше д'Эспере о ситуации и потребностях армии генерала А. Деникина [SHD/T, 7 N 802], отчеты об обстановке на Украине в целом. Кроме того, использованы выписки из материалов газет, радио и телефонограммы, касающиеся внешней политики Советского государства, состояния Красной армии и масштабов большевистской пропаганды [SHD/T, 7 N 799].

2. Места и обстоятельства пленения французских военных

По свидетельствам французских солдат и моряков, их пленение происходило в разных населенных пунктах Причерноморья: в Бендерах были схвачены солдаты из Первой дивизионной артиллерийской группы пехоты; несколько французских моряков были пленены в Одессе [SHD/T, 7 NN 2013, р. 69—70]; в селе Еремеевка 5 апреля при выполнении задания 11 солдат были атакованы и схвачены 50 красными кавалеристами [SHD/T, 7 NN 2013, р. 636]; в Овидиополе 12 апреля были пленены еще несколько человек [SHD/T, 7 NN 2013, р. 638]. Кроме того, были и другие места пленения, такие как Николаев и берег Днестра [Body, 2003, р. 97]. После ареста все пленники были лишены личных вещей, в том числе и ценностей, и были доставлены в Одессу. Там они были временно зачислены на довольствие в 1-й интернациональный полк, включавший солдат всех национальностей [SHD/T, 7 NN 2013, р. 71]. О количестве военнопленных источники сообщают противоречивые сведения. По данным французского генерала Франше д'Эспере, пленников было около 40 человек [SHD/T, 7 NN 2013, р. 62]. Эти же цифры подтверждают и некоторые другие источники [Masson, 1982, р. 428]. Однако один из сотрудников Французской коммунистической группы М. Боди (1894—1984) сообщал, что пленных французов было гораздо больше, около сотни [Body, 2003, р. 97]. На наш взгляд, французский коммунист преувеличивает или включает в это число

всех увиденных им пленных иностранцев, поскольку такое существенное количество пленников являлось бы большой потерей для французских войск во время локального конфликта.

Важно отметить, что пленные французы были не только на юге страны, но и в центральной России. В 1918—1919 годах между правительствами Франции и России велись переговоры об обмене французских военнопленных на солдат Русского экспедиционного корпуса, находившихся в годы Первой мировой войны во Франции. Нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин заявлял, что французская репатриация возможна только в том случае, если для этого будут соблюдены все договоренности [SHD/T, 7 N 799]. Договоренности включали в том числе и условия содержания русских пленных, и их скорую репатриацию. Положение пленников осложнялось перешедшими во враждебное состояние франко-русскими отношениями после отъезда официальных представителей союзных стран из России 25 июля 1918 года [Галкина, 2020, с. 208]. Что касается положения пленников юга страны, то из Киева, Одессы, Харькова и Николаева были также выдворены консулы нейтральных государств, а вместе с ними исчезли и все возможные гарантии по спасению пленников. К тому же успехи Добровольческой армии могли бы заставить большевиков принять более жесткие меры по отношению к ним, и пленные могли бы попросту погибнуть в ответных репрессиях на антибольшевистские действия других правительств [SHD/T, 7 N 799]. Очевидно, что большевики содержали в плену иностранных военных для оказания давления на враждебно настроенные к ним правительства других стран, а также для обеспечения гарантий возвращения русских солдат на родину.

3. Публикационная деятельность Французской коммунистической группы как метод привлечения военных в Красную армию

Возвращаясь к методам вербовки соотечественников, используемым Французской коммунистической группой, отметим, что одним из способов привлечения в ряды Красной армии являлась агитационно-пропагандистская работа. По материалам источников, главных пропагандистов было несколько: два бывших сотрудника французской военной миссии — *Жак Садуль, организатор и руководитель пропаганды, Марсель Боди, его секретарь, а также Стелла Коста, журналистка из Бельгии* (информант несколько ошибается, поскольку Стелла Коста была уроженкой Люксембурга), *некто Жозеф, которого представляли как француза, другие — как русского* (речь идет о Жозефе Давуане, который, будучи французским матросом, бежал с корабля и изъявил желание вступить в интернациональ-

ные войска [Цвилюк, 1987, с. 175], отсюда и его определение как не то француза, не то русского) и *майор Кукарский или Кокарский, бывший военный из Иностранного легиона* [SHD/T, 7 NN 2013, р. 71]. Стремясь как можно шире внедрить идеи большевиков, агитаторы издавали в Одессе и Киеве газеты «Le communist» и «Drapeau rouge» на нескольких иностранных языках и распространяли их по линии фронта; также подготавливались листовки с воззваниями к французским военным о присоединении к революционной борьбе. Нередко в этих материалах приводились примеры единодушия французских солдат и моряков с русским народом [Цвилюк, 1987, с. 169] с целью воздействия на чувства читающих. Печатавшиеся статьи были направлены на поднятие революционных настроений [Южакова, 1975, с. 210], зачастую высказывалось осуждение внешней политики Франции. Любопытно, но брошюры часто содержали орфографические ошибки и выглядели как переводы русских текстов [Masson, 1982, р. 323]. Это свидетельствует о том, что подготовкой материалов для газет и листовок для французской аудитории занимались не только французские агитаторы, но лица, слабо владеющие французским языком, хотя тексты позиционировались как обращения французов к французам. Тем не менее статьи и призывы широко распространялись агитаторами среди военнопленных, в городах, где дислоцировались иностранные военные, по линии фронта и доходили до Салоник, Константинополя и Марселя — до тех пунктов, где формировались войска Антанты для отправки на юг России.

4. Агитационно-пропагандистская активность Французской коммунистической группы среди военнопленных

Другим способом привлечения военных на сторону большевиков была устная агитация. Сотрудники Французской коммунистической группы организовывали собрания для франкоговорящего населения южных городов и военнослужащих. Так, например, в Киеве каждый вторник имели место пропагандистские конференции среди членов французской колонии [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84]. В Одессе похожие мероприятия проводились в Муниципальном театре, в казармах военнослужащих и непосредственно в бюро Французской коммунистической группы на Николаевском бульваре (ныне Приморский). Заключение были обязаны посещать коммунистические мероприятия [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84], и нередко для этого красноармейцы применяли силу [SHD/T, 7 NN 2013, р. 72]. Во время личных встреч с иностранными солдатами французские коммунисты стремились донести до них истинные (на их взгляд) мотивы интервентов [Coeuré, 2014, р. 94],

их приглашали поддержать Советскую Россию и, напоминая о революционном прошлом Франции, призывали быть достойными сынами Парижской коммуны [Цвилюк, 1987, с. 168]. За всеми этими лестными и воодушевляющими призывами стояло стремление пропагандистов привлечь как можно больше adeptов в ряды Красной армии. Хотя, конечно же, с точки зрения французских властей, не разделявших левую идею, агитаторы занимались откровенным склонением французских солдат к предательству [SHD/T, 7 NN 2013, p. 61] и дезертирству. Нередко для привлечения в ряды Красной армии агитаторами использовались заведомо ложные сведения. Пленников обманывали, например, сообщали им, что немцы выиграли войну [SHD/T, 7 N 799], или на вопросы, почему им не дают присоединиться к отплывающим на родину компатриотам, отвечали, что французское командование отказалось их брать на борт, поскольку они заражены большевизмом [SHD/T, 7 NN 2013, p. 638].

Помимо этого, военнопленных вынуждали участвовать в смотрах, манифестациях, чтобы таким образом создать видимость многочисленности и интернациональности коммунистического движения [SHD/T, 7 NN 2013, p. 69—70]. Например, по случаю празднования 1 мая в Киеве прошла демонстрация большевиков, включающая русских, украинцев, чехов, поляков и французов. Источники свидетельствуют, что, запуганные шефами Французской коммунистической группы, иногда — угрозами лишения пропитания [SHD/T, 7 N 802], французские пленные шли конце шествия и провозглашали коммунистические лозунги «Долой республиканскую буржуазию» и «Да здравствует коммунизм!» На униформу некоторых был прикреплен маленький красный бантик [SHD/T, 7 NN 2013, p. 84], символизирующий идейную принадлежность левому движению. Пленники надевали эти «отличительные знаки», поскольку в обмен на фотоснимки с данными атрибутами им обещали освобождение из плена [SHD/T, 7 NN 2013, p. 638]. В Одессе при праздновании Дня взятия Бастилии 14 июля пленники приняли участие в шествии под «Интернационал»; проходя перед фотоаппаратами, они должны были выкрикивать «Да здравствует Интернационал!» Цель этих мероприятий заключалась в стремлении компрометировать французских солдат перед их офицерами и впечатлить местное население, демонстрируя многочисленность иностранцев, примкнувших к большевикам [SHD/T, 7 NN 2013, p. 72].

Более того, в военные части являлись большевистские агитаторы, в том числе и хорошо владеющие французским языком [Жаров и др, 1960, с. 120]. Проводя активную пропаганду, они стремились уговорами и убеждениями мобилизовать военнопленных для вступления в Красную армию [SHD/T, 7 NN 2013, p. 635], что, по свидетельству источников, для пленников было

равносильно смерти [SHD/T, 7 N 799]. Также пленникам предлагали вступить в интернациональный батальон в Одессе или наняться на военные заводы в Николаеве [SHD/T, 7 NN 2013, p. 637], где их работа была бы вознаграждена [SHD/T, 7 NN 2013, p. 636]. Других же призывали остаться в штабе *генерала* Григорьева (Судя по всему, ошибка в источнике: речь идет об атамане Григорьеве [SHD/T, 7 NN 2013, p. 638]). Но, как гласят источники, на эти предложения, даже подкрепленные финансовыми выгодами, пленники отвечали отказом. Им казалось, что русские были готовы силой [SHD/T, 7 NN 2013, p. 637] сделать из них агентов большевиков [SHD/T, 7 N 799]. С уговорами приходили несколько раз [SHD/T, 7 NN 2013, p. 638], давая время для размышлений, затем угрожали, что при следующем визите всех пленников отсортируют на коммунистов и некоммунистов и первые будут отпущены и вознаграждены, а другие останутся в тюрьме [SHD/T, 7 NN 2013, p. 637]. На окончательный отказ военных предать данную присягу часто применялись наказания без суда и следствия [SHD/T, 7 N 799]. За отказ от соблазнительных предложений военнопленных отправляли на допросы, нередко содержали в скучных условиях с минимальным питанием, отправляли в тюрьмы или в землянки без одеял и доступа кислорода [SHD/T, 7 NN 2013, p. 637—638], расстреливали тех, кто был глубоко враждебен большевизму [Masson, 1982, p. 435].

5. Отношение французских агитаторов к пленным компатриотам

Несмотря на свидетельства современников о порой бесчеловечных методах мобилизации заложников в ряды Красной армии, нужно сказать, что, судя по всему, эти показания несколько преувеличены. В целом с заключенными обращались достойно, и они даже могли свободно перемещаться по городу [Masson, 1982, p. 435]. Этот факт, конечно, не отрицает того, что проявления бесчинства со стороны французских агитаторов имели место быть, но, в то же время говорит о том, что эти случаи были единичными. Кроме того, важно отметить, что со стороны сотрудников Французской коммунистической группы имелось проявление заботы о компатриотах [Зак, 1989, с. 66]. По воспоминаниям М. Боди, он в сопровождении коллег приходил в тюрьму к пленникам с хлебом [Body, 2003, p. 100], чтобы подкормить заключенных. Также на пропитание французских солдат группой выделялись средства: например, в июле 1919 года было выделено 3320 рублей [РГАСПИ, ф. 502, оп. 1, д. 6, л. 74.]. Более того, в Киеве были сформированы комитеты для помощи заложникам. Эти ассоциации, обладая весьма значительным капиталом, снабжали дополнительным питанием пленников и выделяли на каждого по 100 рублей в месяц для покрытия покупок свежего мяса, белья, чистой и теплой одежды [SHD/T, 7 NN 2013,

р. 87]. Для облегчения пребывания в плену заложников и их скорейшего освобождения была привлечена организация Красного креста Дании в Москве. Эта организация сообщала о находящихся в России приблизительно 400 иностранцах (французы, шведы, голландцы), которые должны были покинуть Россию к 25 мая [SHD/T, 7 N 799]. Показателен пример помощи Красного креста в истории пленения французского военного врача Андре Кампера, трудившегося в военном санитарном учреждении. В марте 1919 года он с небольшим медперсоналом был схвачен и привезен в Киев. После его отказа участвовать в Первомайской демонстрации и прицепить к униформе все тот же маленький красный бантик [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84] врач значился контрреволюционером и провокатором. Однако его арест был произведен не сразу, а в ночь с 26 на 27 мая. Он был арестован и приведен в бюро Чрезвычайной комиссии, где было принято решение о его расстреле без предварительного опроса. О его судьбе заботилась сестра милосердия, мадемуазель Жанна Жиле, которая ходатайствовала о его защите. После проведенного допроса врача он был перемещен на 12 дней в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. Две недели спустя его снова допросили и вновь приговорили к расстрелу. Узнав об этом, мадемуазель Жиле и две ее коллеги просили одного из французских коммунистов (имя не сообщается) повлиять на главу коммунистической группы Жака Садуля, освободить Андре Кампера и других пленников. На свою просьбу они получили отказ, мотивированный тем, что А. Кампер был «сыном старшего офицера, у него за плечами 3 года университета и таких 99 из 100 расстреливают» [SHD/T, 7 NN 2013, р. 84]. Ожидая окончательного приговора, Кампер содержался в тюрьме, откуда его время от времени выводили на сельскохозяйственные работы, а именно для труда на картофельном поле. Через посредничество организации Красного креста во время этих работ сестрам милосердия было разрешено передавать А. Камперу пищу и книги. Во время этих передач при порой лояльных сотрудниках охраны тюрьмы девушкам удавалось обменяться парой слов с военным врачом и поддержать его боевой дух. Также по ходатайству советского политического деятеля, одного из членов миссии Красного креста во Франции, Д. Мануильского мадемуазель Жиле смогла добиться разрешения на посещение доктора и его перевода в лагерь для пленных. В этом лагере пленники были разделены на тех, кого ожидал расстрел, и на тех, кого собирались переправить в Москву. Кампер оказался в числе тех, кого ожидал перевод. 30 августа его вместе с остальными военнопленными посадили на корабль в Киеве и отправили в Москву, где его распределили в лагерь [SHD/T, 7 NN 2013, р. 85—87]. Но, несмотря на перевод в очередной лагерь, сестрам милосердия удалось спасти военного врача от неминуемой смерти.

6. Переговоры об освобождении узников

Переговоры между Францией и Россией явно затягивались. Большевики удерживали пленных в качестве гарантии, прикрываясь соглашением между министром иностранных дел Франции Стефаном Пишоном (1857—1933) и Г. Чичериным, согласно которому русские солдаты должны быть репатрированы на родину без компенсации [Masson, 1982, p. 432], а французские представители, видя неуважение советской стороны к самым элементарным международным правилам [Masson, 1982, p. 436], стремились как можно скорее вывезти из России французских граждан. В этой связи была необходима помощь со стороны нейтральных консульств. Тимон Генрих Фоккер, назначенный 20 января 1919 года генеральным консулом Голландии в Киеве [Попенко, 2005, с. 188—197], согласился быть на Украине одним из уполномоченных от союзников для этой миссии [SHD/T, 7 N 799]. Благодаря помощи консула удалось достигнуть договоренностей, и советские власти согласились на выдачу около 40 военнопленных [Masson, 1982, p. 428—429]. Освобождение заключенных проводилось поэтапно. Часть французских военных была отпущена на свободу в мае 1919 года и передана командованию военно-морских сил Франции в Одессе [SHD/T, 7 NN 2013, p. 635]. Кроме того, еще 550 человек были посажены на борт «Михайловича» и «Бориса» под защитой миноносцев «Протет», «Хусард» и «Сюип», но, нужно отметить, что в это число входят не только французские военнопленные, но, очевидно, другие иностранцы, в том числе и гражданские лица. Второй этап эвакуации был запланирован на конец мая и должен был коснуться еще около двухсот проживающих на Украине иностранцев, которые не смогли ранее добраться до Одессы. Но запланированная эвакуация была отложена, по причине опасения, на этот раз французской стороны, что вместе с эвакуируемыми иностранцами на борт кораблей попадут «сомнительные» элементы или агенты большевиков [Masson, 1982, p. 428—429]. Но, тем не менее, эвакуация состоялась, и все желавшие покинуть территорию России и Украины были эвакуированы. В июле два миноносца «Скарп» и «Бамбара» погрузили на свой борт еще 27 французских солдат и высадили их в Константинополе [SHD/T, 7 NN 2013, p. 71].

7. Заключение

Подводя итоги агитационно-пропагандистской работы французской коммунистической группы среди французских военнопленных, нужно сказать, что эта деятельность все же имела некоторые результаты. В мае 1919 года на Украине против перешедшего в оппозицию атамана Н. Григорьева в составе сводной группы советских войск сражались некоторые

французские интернационалисты [Жаров и др., 1960, с. 102]. В Киеве был образован Интернациональный коммунистический автоброневой дивизион из французских солдат, знакомых с техникой. Историк Л. В. Южакова сообщает о 53 французах, добровольно вступивших в этот дивизион [Южакова, 1975, с. 211]. Общественный и политический деятель М. С. Маргулис, ссылаясь в своих воспоминаниях на данные, предоставленные ему в частной беседе бывшим министром вооружения Франции А. Тома, указывает на 231 солдата, перешедших к большевикам [Маргулис, 1923, с. 7]. Эти же данные приводит советский исследователь деятельности Французских коммунистических групп Л. М. Зак [Дело трудящихся всего мира, 1957, с. 165]. Однако эти данные, на наш взгляд, несколько преувеличены. В большинстве своем солдаты оставались верны присяге [Пученков, 2013, с. 143], и лишь немногие переходили на сторону большевиков и вступали в ряды Красной армии. Генерал Ф. Д'Эспере по итогам опроса возвращённых пленников в Константинополе сообщал имена нескольких примкнувших к большевикам: Гильбер, Руго, Талми [SHD/T, 7 NN 2013, р. 69—70]. Кроме того, среди дезертировавших были следующие: «2 или 3 алжирца Второй инженерной [части] поддались угрозам и были включены в Красную армию. Их имена не были сообщены; 4 моряка, один из которых известен под именем Мишель, другой Жан, вернулись в Одессу на службу к большевикам, в секретную полицию [очевидно, имеется в виду работа при Чрезвычайной комиссии]; сообщается о 7—8 других [французских военных] в Киеве, которые будут нагружены техническим обслуживанием бронированного поезда; некий военныйслужащий по имени Бастьен, из Второй инженерной [части], 17 класса стал очень усердным помощником [Марселя] Боди; Анри Себастьян, дезертир Четвертого зуава, выходец из Марокко, перешел к большевикам и стал одним из агентов пропагандистов [на] фронте, но после был убит свои командиром, который ему приказал стрелять по красным». Итого генерал сообщает примерно о двадцати дезертировавших военныйслужащих. Кроме того, Ф. Д'Эспере сообщает еще о десятке военных, которые, «уступив давлению против них, ... поступили на службу [к] большевикам в Одессе, но быстро пожалели об их решении и отказались вступать в Красную армию» [SHD/T, 7 NN 2013, р. 73]. Тем не менее эти сведения серьезно отличаются от данных, которыми располагал А. Тома, и еще более далеки от высказывания В. И. Ленина о том, что «путем агитации и пропаганды у Антанты были отняты ее собственные войска» [Ленин, 1974, с. 125].

Подводя итог положению военнопленных на юге России, нужно сказать, что их количество в масштабах армии было незначительным, а их

пребывание в плену продолжалось недолго, и большинство из них было отпущено на свободу в мае — июле 1919 года. Содержание их в неволе служило для большевиков дополнительным рычагом давления во франко-русских переговорах об обмене военнопленными. Немалую помощь в этой непростой ситуации оказало посредничество нейтральных консулов и сестер милосердия организации Красного креста, стремящихся облегчить участь пленников. Кроме того, сотрудники Французской коммунистической группы, используя разные и порой жестокие инструменты для склонения военных на сторону врага, очевидно пытались угодить советским властям, но, тем не менее, и французские коммунисты проявляли человечность по отношению к компатриотам. Что касается эффекта от их агитационной работы, то он был незначительным, и большинство французских военных остались верны данной ими присяге.

Источники и принятые сокращения

1. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1974. — Том 40. — 537 с.
2. *Ле Рамей Ж.* Восставшие на Чёрном море: воспоминания и документы / Ж. Ле Рамей, П. Воттеро. — Москва : Прогресс, 1976. — 272 с.
3. *Маргулис М. С.* Год интервенции / М. С. Маргулис. — Берлин : Издательство З. И. Гжебина, 1923. — Книга 2: Апрель — сентябрь 1919 г. — 321 с.
4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 502. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.
5. *Body M.* Au cœur de la Révolution: mes années de Russie. 1917—1927 / M. Body. — Paris : Max Chaleil, 2003. — 303 p.
6. SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 NN 2013.*
7. SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 N 802.*
8. SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 N 799.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкина Ю. М.* Французская военная миссия в России в событиях 1917—1918 гг. / Ю. М. Галкина // *Русский Сборник: исследования по истории России* / ред.-сост. О. Р. Айрапетов. — Москва : Модест Колеров, 2020. — Том 28. — С. 162—212.
2. *Гражданская война и военная интервенция в СССР* : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 704 с.
3. *Дело трудящихся всего мира: факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза* / ред. М. А. Вистинецкий. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 386 с.
4. *Жаров Л. И.* Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР / Л. И. Жаров, В. М. Устинов. — Москва : Военное издательство Министерства обороны союза ССР, 1960. — 160 с.
5. *Зак Л. М.* Дружба рождалась в борьбе / Л. М. Зак. — Москва : Мысль, 1989. — 228 с.

6. Попенко Я. В. Діяльність дипломатичного представництва Директорії УНР в Бельгії та Нідерландах у 1919—1921 роках / Я. В. Попенко // Наукові праці історичного факультету Запорізького держ. ун-ту. — 2005. — № 19. — С. 188—197.

7. Попов Г. Г. Интервенция / Г. Г. Попов. — Москва : Вече, 2019. — 480 с.

8. Пученков А. С. «Большой город дает возможность развернуться»: из истории французской интервенции в Одессе / А. С. Пученков // Труды исторического факультета СПбГУ. — 2013. — № 14. — С. 125—157.

9. Цвилюк С. А. Защита дело Октября: зарубежные интернационалисты в Одессе. 1917—1920 гг. / С. А. Цвилюк. — Одесса : Маяк, 1987. — 272 с.

10. Шубин А. В. Французская интервенция на Украине 1918—1919 гг. в контексте Российской революции / А. В. Шубин // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2018. — С. 315—339.

11. Южакова Л. В. Пролетарский интернационализм в деятельности Французской коммунистической группы РКП(б) / Л. В. Южакова // Вопросы научного коммунизма. — 1975. — № 7. — С. 205—214.

12. Coeuré S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communism / S. Coeuré. — Lausanne : Les éditions noir sur blanc, 2014. — 416 p.

13. Masson P. La marine française et la Mer Noire (1918—1919) / P. Masson. — Paris : Service historique de la marine, 1982. — 669 p.

14. Munholland J. Kim. The French army and intervention in Southern Russia, 1918—1919 / J. Kim Munholland // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1981. — Vol. 22, №1. — P. 43—66.

MATERIAL RESOURCES

Body, M. (2003). *Au cœur de la Révolution: mes années de Russie. 1917—1927*. Paris: Max Chaleil. 303 p. (In French).

Le Ramey, J, Vottero, P. (1976). *The Black Sea Risen: Memoirs and Documents*. Moscow: Progress. 272 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1974). *Complete works, 40*. Moscow: Publishing house of political literature. 537 p. (In Russ.).

Margulis, M. S. (1923). *Year of intervention, 2: April—September 1919*. Berlin: Z. I. Gzhebin Publishing House. 321 p. (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Social and Political History*. F. 502. Op. 1. D. 6. L. 74. (In Russ.).

SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 N 799*. (In French).

SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 N 802*. (In French).

SHD/T — *Service historique de la Défense, Terre, GR 7 NN 2013*. (In French).

REFERENCES

Coeuré, S. (2014). *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communism*. Lausanne: Les éditions noir sur blanc. 416 p. (In French).

Galkina, Yu. M. (2020). French military mission in Russia in the events of 1917—1918. In: *Russian Collection: research on the history of Russia*, 28. Moscow: Modest Kolerov. 162—212. (In Russ.).

- Khromov, S. S. (ed.). (1983). *Civil war and military intervention in the USSR*: encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia. 704 p. (In Russ.).
- Masson, P. (1982). *La marine française et la Mer Noir (1918—1919)*. Paris : Service historique de la marine. 669 p. (In French).
- Munholland, J. Kim. (1981). The French army and intervention in Southern Russia, 1918—1919. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 22/1: 43—66. (In French).
- Popenko, Ya. V. (2005). Activities of the diplomatic mission of the Directory of the Ukrainian People's Republic in Belgium and the Netherlands in 1919—1921. *Scientific works of the historical faculty of the Zaporizhia state. un-tu*, 19 : 188—197.
- Popov, G. G. (2019). *Intervention*. Moscow: Veche. 480 p. (In Russ.).
- Puchenkov, A. S. (2013). “The Big City gives an opportunity to turn around”: from the history of the French intervention in Odessa. *Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University*, 14 : 125—157. (In Russ.).
- Shubin, A. V. (2018). French intervention in Ukraine in 1918—1919 in the context of the Russian revolution. In: *French Yearbook 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation*. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 315—339. (In Russ.).
- Tsvilyuk, S. A. (1987). *Defending the cause of October: foreign internationalists in Odessa. 1917—1920*. Odessa : Mayak. 272 p. (In Russ.).
- Vistinetskiy, M. A. (ed.). (1957). *The cause of the working people of the whole world: facts, documents, essays on fraternal assistance and solidarity of the working people of foreign countries with the peoples of the Soviet Union*. Moscow: Gospolitizdat. 386 p. (In Russ.).
- Yuzhakova, L. V. (1975). Proletarian internationalism in the activities of the French communist group of the RCP(b). *Questions of scientific communism*, 7: 205—214. (In Russ.).
- Zak, L. M. (1989). *Friendship was born in struggle*. Moscow: Mysl. 228 p. (In Russ.).
- Zharov, L. I., Ustinov, V. M. (1960). *International units of the Red Army in the battles for the power of the Soviets during the years of foreign military intervention and the Civil War in the USSR*. Moscow: Military publishing house of the Ministry of Defense of the USSR. 160 p. (In Russ.).